„Пр

КОЧЕВОЙ.

ЗА МІР

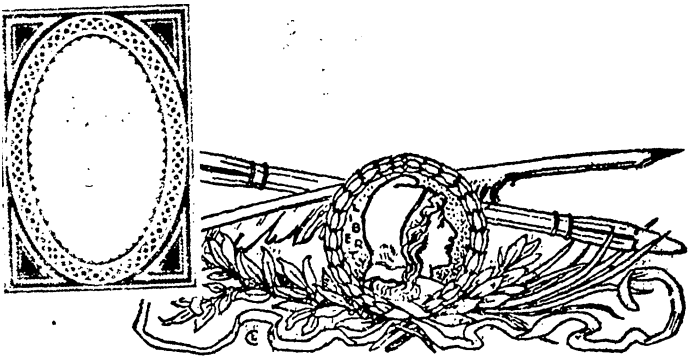
А. Р.

С'УМѢЮТ ЛИ РАБОЧІЕ ОБОЙТИСЬ БЕЗ ХОЗЯЙСКОЙ ВЛАСТИ?

Изданіе Русской Рабочей Группы в Нью-Іоркѣ

Нью-Іорк. — 1912.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
957
23



ПѢВЕЦ БОРЬБЫ.

Я не пѣвец напѣвов нѣжных;
Я не ласкаю слух струной,
Не разбужу страстей мятежных
В душѣ усталой и больной.

* * *

Нѣт, пѣснь моя — то пѣснь иная —
Я вмѣсто арфы — меч поднял,
И сталью гибельно играя ,
Из пѣсен — пѣснѣ скорби внял.

* * *

Я призывал меча напѣвом
Не богачей на пышный бал,
А тѣх, чье сердце полно гнѣвом, —
Я тѣх на битву подымал.

Я стал пѣвцом меча — не лиры
И рад, что сталь крѣпка моя...
Под ней падут земли кумиры,
Как под напором бытія.

* * *

Пѣвец борьбы, пою я битву
И в ней свободы вижу луч;
Я не шепчу, как раб, молитву, —
Призыв мой грозен и могуч.

* * *

Я не паду к ногам кумира,
Мнѣ день свободный — цѣлый вѣк, —
В рѣчах огонь, в руках сѣкира
Я царь природы — человѣк.

Иванъ Малѣевъ.

ЗА МІР.

— Стало быть это правительству выгодно, — говорил Семка, вихрастый рыжеватый парень, од носельчанин Кривенских крестьян, сидѣвших на зеленой лужайкѣ за „бугром". — Выдѣлиться — не штука, да польза какая? Что оттого земли при бавится или помѣщиком станешь? Нѣт, братцы, міром куда сподручнѣй.

— Ну, а правительству какая выгода? — возражал Семкѣ кривой невзрачный мужичек, по имени Антон, по прозвищу Бѣда, который хотѣл выдѣлиться. — Чай не себѣ правительство землю забирает.

— То-то не себѣ, да и некуда ему забирать, больно уж у него и без того много. Небось умные люди не то говорят. Тоже, вот, и газеты пишут. Не тѣ, что в волость получаются. Это продажныя и правительственныя. Другія газеты, которыя за крестьян да за рабочих. Начальству надо больше кулаков-міроѣдов, чтобы защищать его, вот оно и написало закон: не надо, мол, никакой общины, забирай каждый свою землю и живи отдѣль-

но. Забравши хочешь продать — продай, хочешь пропить — пропей. Так оно и выходит. Толкачевцы выдѣлились, и пошло все прахом. Одни продали землю, а теперь хоть по міру. В город тоже не зачѣм. Много там и без нашего брата без дѣлов сидит. Нигдѣ нѣт добра. Задушили совсѣм. Я тоже не от сладкой жизни в деревню вернулся, а что буду дѣлать? Четыре брата нас и земли четыре пяди.

Крестьяне сидѣли молча. Умолк и Семка, опустив свою вихрастую голову. Одинокое облако медленно плыло над лѣсом, тянувшимся к рѣкѣ длинной бахромчатой лентой. Скоро оно заволокло солнце, и черное дрожащее пятно окутало угрюмыя лица мужиков.

— Мір — велик-человѣк, — прервал Семка минутное молчаніе, — в нем и силы много, особенно, если интересы общіе. Начальству это невыгодно, не выгодно и барам. Потому, когда интересы у народа общіе, сообща он их и защищает. А когда в одиночку — никто друг другу не поможет.

— А я думаю, что выгодно тут мнѣ, — перебил Семку Бѣда, — выдѣлюсь, и сам себѣ хозяин: хочу — продам свой надѣл, хочу — нѣт.

— В том и бѣда вся. Отчего ты хочешь продать?

— Извѣстно отчего. Будь у меня больше земли-то , не продавал-бы, а то бьешься, бьешься, а толку мало. Лучше уже продать.

— Нѣт, дядька Антон, в этом еще меньше тол ку. Деньги проведешь, земли не будет и останешься ты нищим. Землю у тебя купит кулак, а тебя в батраки возьмет. И будем мы и дѣти наши батраками. Не то нам надо. Не выдѣляться на хутора, а подняться дружно всѣм міром на угнетателей наших дворян да помѣщиков и сдѣлать так, чтобы вся земля нашей, крестьянской стала. Толкачевцы захотѣли выдѣлиться, ну и выдѣлилось пятнадцать дворов. Разорились — это вѣрно, и теперь обратно в общество просятся.

— Что и говорить, — замѣтил сѣдобородый крестьянин, все время сидѣвшій молча. — Извѣстное дѣло, без общества, как и без земли, нельзя. Ну, скажем, выдѣлимся, продадим землю, как Бѣда думает, и останемся бобылями. А она одна, кормилица, всѣх содержит. Не паши мы да не сѣй — весь мір околѣл-бы от голоду. Стало быть ты, пахарь, и пахать будешь ты, только не свою кормилицу-матушку, а чужую, барскую. И то правда, что начальство свои выгоды соблюдает. Надо и нам свои соблюдать. Теперь только дураки могут думать, что начальство за нас, да поп каждый раз в церкви будет драть свою продажную глотку за дворянскаго царя-батюшку. Семка правду баит, давно пора их в вилы принять.

— В вилы принять их — не штука, — проговорил другой старик, — да, вот, солдаты... Вся бѣда в них.

— Что солдаты, — воодушевился Семка, глаза котораго сверкнули из под нависших рыжеватых вихров. — Мы сами виноваты, что солдаты защищают не нас, а начальство. Почему? А потому, что мы дураки. Мало нас бьют да по тюрьмам сажают. Скажи слово, прочитай книжку или газету, гдѣ правда написана — и все.

— Это-то правда, но что будешь дѣлать? — замѣтил Бѣда.

— Извѣстно что. Надо сдѣлать так, чтобы солдаты не усмиряли нас.

— Хорошо сказать, да как это сдѣлать?

— Сдѣлать тоже можно. У тебя пошел сын в солдаты, вот ты и потребуй от него клятвы в том, что он не будет стрѣлять в крестьян и рабочих, когда начальство пошлет его на усмиреніе. А это должен сдѣлать всякій отец, мать, брат, сестра, жена. Когда солдат даст клятву не убивать возставших, тогда наше дѣло вѣрное.

— Что-ж, если мой сын поклянется мнѣ, развѣ от этого будет польза. Надо чтобы всѣ поклялись, а гдѣ-ж это можно?

— Скажем, этого сразу нельзя, но твой сын в казармѣ будет не один, стало быть разскажет товарищам, тѣ узнают, почему он клялся, подумают, поговорят промеж собой, гляди и тоже поклянутся.

Солнце сѣло за потемнѣвшей полосой лѣса и тѣни длинными черными лапами тянулись по землѣ. Полевка свистнула, помолчала и снова свист

нула, и в отвѣт ей отозвалась другая. Скоро таинственный покров ночи скрыл очертанія и формы, слившись в сплошной непроницаемый мрак, наполнившійся своей невидимой жизнью.

— Теперь, ребята, по домам. Никаких выдѣлов нам не надо. Так и начальству скажем.

В большом селѣ Кривенкѣ желавших выдѣлиться оказалось всего девять дворов. Изо дня в день ждали начальства и землемѣра. Настроеніе было приподнятое, нервное. Общинники были враждебно настроены к односельчанам, из'явившим желаніе выдѣлиться. Слышались угрозы по адресу послѣдних. Над спокойным селом носился ропот, оживленные споры и разные толки, но одно слово особенно ярко выступало и слышалось чаще других:

— Не позволим.

Настал, наконец, день, когда явилось начальство. Народ столпился у волостного правленія и всѣ в один голос заявили, что не допустят дѣлить землю. Начальство ничего не отвѣтило крестьянам и немедленно послало в стан за стражниками, а само до вечера сидѣло в волости, беззаботно пило и ѣло. Крестьяне разошлись по домам.

На слѣдующій день, под охраной стражников, землемѣр приступил к развесткѣ. За „бугром" возлѣ лѣса нарѣзали хуторянам землю. Крестьяне не могли мириться с тѣм, что их кормилицу-матушку кроят на куски, отнимают лучшія угодья и они, вооружившись кто вилами, кто то-

пором, косой или просто колом, пробрались в лѣс недалеко от работ и, выждав удобную минуту, на пали на землеустроителей. Стражники схватили ружья и стали было стрѣлять, но толпа озлилась пуще прежняго и через пять-десять минут все было кончено. На мѣстѣ предполагавшагося хутора валялись поломанные значки, землемѣрные инструменты, ружья и три окровавленных трупа стражников.

Как и надо было ждать, начальство не замедлило явиться с новыми силами и с твердой рѣшимостью усмирить бунтовщиков. Все село вызвали туда, к лѣсу, на мѣсто побоища, гдѣ лежали убитые.

Уже вечерѣло и солнце спустилось за лѣс, залив его вершины красной позолотой. Длинныя тѣни узорной полосой тянулись по травѣ, измѣняя очертанія, теряя яркость. Недовольный, но боязливый ропот носился в воздухѣ. Напряженно и нервно бились сердца крестьян. А трупы стражников, как зловѣщіе призраки, лежали на травѣ.

— На колѣни! — загремѣл повелительный голос исправника.

Толпа заколыхалась. Послышались отдѣльные голоса протеста. Сплошная ровная стѣна голов дрогнула, образовав нѣчто вродѣ лѣсного поруба, гдѣ между низко подрубленными пнями, стояли стройныя прямыя деревья.

— Всѣ становись, крамольники, перестрѣляю! Стражники, на прицѣл их!

Непокорные, видя направленныя на них дула ружей, опустились на колѣни и только исправник великаном возвышался над ними; его хриплый голос многократным эхом отдавался в лѣсу, гдѣ мелькали какія-то двѣ-три темныя фигуры.

— Бунтовать, негод ...

Сухой треск, раскатившійся в потемнѣвшем лѣсу, оборвал бурную ругань исправника и он, взмахнув руками, навзнич упал на землю. Крестьяне и стражники бросились в разсыпную, а из лѣса, один за другим, неслись ружейные выстрѣлы. Вслѣд за ними оттуда выбѣжал Семка и еще двое крестьян, бывших солдат, прошлой осенью возвратившихся со службы. У них были солдатскія берданки и они продолжали стрѣлять по убѣгавшим стражникам, пока короткія лѣтнія сумерки не скрыли картину дѣйствія в мягких тонах своей дымчатой вуали.

Кочевой.

ПѢСНЯ КУЗНЕЦОВ.

Мы ковали твердой стали
Копья и мечи,
Перед битвой их забрали
Наши палачи.

* * *

Пусть пируют, пусть ликуют,
Пляшут до утра.
Вновь и вновь мѣхи задуют
И придет пора.

* * *

На разсвѣтѣ мы возстанем,
Братья-кузнецы.
На пирующих нагрянем...
Вздрогнут палачи.

* * *

Не помогут слезы, рѣчи...
Мы куем, куем.
Будут встрѣчи, будут сѣчи —
Раньше-ль, позже-ль днем.

* * *

Что-ж вы, братцы, пріуныли.
Вы-ль не молодцы!
Или сталь в горнах спалили
Братья-кузнецы?

С. Т.

С'УМѢЮТ ЛИ РАБОЧІЕ ОБОЙТИСЬ БЕЗ ХОЗЯЙСКОЙ ВЛАСТИ?

Говоря о невозможности для рабочих устроиться без хозяев, очень часто указывают на то, что они недостаточно проникнуты сознаніем необходимости преклоняться перед дисциплиной. Рабочіе будут уклоняться от работы, лѣнтяйничать, а если и начнут работать, то будут тратить время на пустыя ссоры и пререканія; работа будет постоянно прерываться, будет мало производительной.

Посмотрим, в чем тут дѣло, почему возникло такое невозможное утвержденіе.

Самое заявленіе о том, что рабочіе окажутся недостаточно дисциплинированными — является результатом непростительнаго смѣшенія двух понятій — авторитарной (начальственной) дисциплины, совершенно излишней в будущем обществѣ и дисциплины с одной стороны безличной, а с другой стороны вольной, которая и является неизбѣжною скрѣпою всякаго общества производителей.

Допустим, что производители стали на работу. Для нас нѣт сомнѣнія, что, революціонно на-

строенный, только что пережившій соціальный переворот, пролетаріат, выступив в новой роли вольных производителей, откажется подчиняться начальственной дисциплинѣ. Наряду с этим нельзя не утверждать, что производство только выиграет от этого. Начальственная дисциплина, основанная на принципѣ: «молчать и не разсуждать», эта современная, нелѣпая и обидная муштровка рабочих была бы разрушительным фактором в обществѣ будущаго. Про нее не только нельзя сказать, что она необходима, но приходится сказать, что ее необходимо уничтожить.

Без'апелляціонныя приказанія мастеров и надсмотрщиков и в настоящее время возбуждают в рабочих вполнѣ естественное чувство протеста. Не понимая смысла такого приказанія или считая его нелѣпым, рабочій выполняет данное распоряженіе настолько не старательно и плохо, насколько это возможно сдѣлать, не рискуя быть разсчитанным.

Если вы сравните двѣ мастерскія, в одной из которых мастер вмѣшивается во всѣ поступки рабочих и берет на себя задачу «руководить» производством, а в другой мастерской другой мастер полагается на коллективную сноровку и ум рабочих, выступая только в нужных случаях в роли работника-техника, — вы сразу увидите, что во второй мастерской дѣло идет гораздо лучше, чѣм в первой, сразу увидите, что в первой гораздо больше сумбура, чѣм во второй.

Современная начальственная дисциплина, по своей сущности, сводится к выматыванію из рабочих послѣдних сил. Она безусловно непріемлема вольными производителями. «Усиленный штат мастеров, — читаем мы в отчетѣ союза петербургских рабочих по металлу, — зорко слѣдит за каждым движеніем рабочих. Боже упаси заговорить с сосѣдом, закурить, отойти от станка... или, еще хуже, заглянуть в газету. Штраф, штраф и штраф! Если вспомнить, что все это продѣлывается над штучниками, которые и без того погоняют себя лучше любого погоньщика, то можете себѣ представить, какая гонка идет на заводах».

Понятно, здоровье рабочих быстро разрушается от такой непосильной работы. Петербургским предпринимателям до этого нѣт никакого дѣла, благо деревня пошлет свѣжія силы на смѣну обезсиленных рабочих.

Вольные производители, прежде всего, должны удалить свору мастеров, дисциплинирующих современных рабочих. Надо еще замѣтить, что хозяева современных промышленных заведеній не смогли бы вести производства при наличности одной начальственной дисциплины. Всѣ мастерскія, как соединенія планомѣрно работающих производителей, держатся безличной и вольной дисциплиной, которыя останутся и усилятся при будущем строѣ общества.

Дисциплина, необходимая для производства — это не начальственная дисциплина, не муштровка, а зависящая от об'ективных и суб'ективных условій способность содѣйствовать достиженію общей задачи, а такая способность имѣется у рабочих масс. Освободившись от начальственной дисциплины, рабочіе тѣм сильнѣе об'единятся безличной дисциплиной и вольной дисциплиной.

Безличная дисциплина, как называет ее Э. Берт или дисциплина об'ективная, как назвали бы ее мы*) — это дисциплина, покоющаяся на необходимости техническаго раздѣленія труда. Если какой нибудь производитель пожелает работать лѣниво или небрежно, то в силу наличности раздѣленія труда, он затормозит тѣм самым работу цѣлаго ряда других лиц. Даже в настоящее время раздѣленіе труда является лучшим контролером быстроты работы и точности ея выполненія. При об'ективной дисциплинѣ, в противорѣчіе дисциплинѣ авторитарной, гдѣ человѣк подчиняется человѣку, наблюдается только «интеллигентное подчиненіе» работающаго работѣ.

Наряду с об'ективной, в будущем обществѣ останется и вольная дисциплина. В настоящее время эта вольная дисциплина поражает нас

---

*)Вольная дисциплина — тоже безлична: в обоих случаях нѣт облеченнаго властью человѣка, который требовал бы повиновенія.

своею стойкостью в рядѣ случаев солидарных выступленій рабочих. Она является одним из проявленій той солидарности, о которой мы уже говорили. Дисциплина, которая создается рабочими во время стачек, по справедливости называется чудесной. Эта дисциплина имѣет свое основаніе в неизбѣжно являющемся желаніи не идти против товарищей по работѣ, в желаніи не идти в разрѣз с общей выгодой, не быть хуже других.

Еще Луи Блан указывал, что принцип ассоціаціи способствует развитію в человѣкѣ чувства чести в трудѣ. С этим заявленіем согласится всякій, кто видѣл на работѣ наших независимых (не кабальных) артельщиков, помочан и т. п.*)

---

*) Замѣчается такая же интенсивность труда и у вольных рабочих других стран: «В товариществѣ Викторія (Италія) 150 его членов для защиты земли от воды (разлива рѣки По) в один день насыпали вал длиною в 900 метров и вышиною в 2½ метра. Работа велась с таким напряженіем, с таким поразительным усердіем и энтузіазмом, что была даже отмѣчена итальянской печатью». (П. Валентинов).

«Ралонхайнское товарищество во время страдной поры работало „столь усердно и при соединенных усиліях давало такіе огромные результаты“, что казалось, будто-бы каждый

Не так уже трудно понять китайскую пословицу: «если есть один человѣк не работающій, то есть другой умирающій от голода».

В будущем же обществѣ принцип ассоціаціи явится господствующим.

В обществѣ вольных производителей вольная же дисциплина будет играть еще болѣе важную роль, чѣм в настоящее время, так как плохая работа невыгодна теперь главным образом предпринимателю, а тогда будет невыгодна производителям.

Работая прилежно, производители будут повышать тѣм самым благосостояніе всего общества, а, слѣдовательно, и свое благосостояніе. Высшая производительность особо прилежнаго труда не будет поступать в пользу предпринимателей, как в настояще время. Сознаніе, что при новых условіях не придется уже болѣе работать для эксплуататоров, явится могучим побудителем к прилежной работѣ. Характерно, что в настоящее время, раз мы имѣем дѣло с повременной платой, рабочій вовсе не заинтересован, в большинствѣ случаев, в производительности своего труда. Если он будет работать, как работает

из его членов отдѣльно и всѣ они вмѣстѣ об'яты пламенем дикаго энтузіазма и рѣшимости совершить какой нибудь доблестный подвиг». (Из Іоллеса по П. Валентинову).

средній рабочій, то его заработок не уйдет от него; если он будет работать прилежнѣе и лучше— его заработок не увеличится. При сдѣльной платѣ он должен даже стараться работать не особенно энергично, так как, в противном случаѣ, предприниматель не замедлит понизить его заработок, уменьшив разцѣнку.

Полусознательный саботаж в его мягких формах — обычное явленіе нашего времени.

Коллективный договор и он предполагает среднюю работу.

Лѣность (мы не говорим о болѣзни), недобросовѣстное отношеніе к труду будет встрѣчаться в будущем обществѣ, как рѣдчайшее исключеніе. Труд не будет болѣе считаться унизительным, как считается теперь; не будет считаться удѣлом «низших» классов. С первых же дней существованія будущаго общества будут устранены тѣ особо тяжелыя условія труда, на которыя так щедры предприниматели и которыя отбивают охоту работать.. Производители уменьшат рабочій день, устроят мастерскія, сообразуясь с требованіями гигіены и т. д., и т. д., при чем все это сведет число лѣнтяев чуть ли не к нулю.

В настоящее время многих называют лѣнтяями только потому, что им предлагают непосильную работу и они не могут выполнить ее просто по недостатку физических сил. Как часто, прогнанный за такую лѣность рабочій умирает, че-

рез немного недѣль, в своем углу от полнаго исто щенія, от полнаго надрыва организма!

В обществѣ будущаго — слабые возьмутся за соотвѣтствующую их силам работу и эти вчерашніе лѣнтяи перещеголяют в прилежаніи самых прилежных рабочих нашего времени.

Не мѣшает напомнить здѣсь о том превращеніи, которое произошло с рабочими Р. Оуэна, ставшими найболѣе прилежными рабочими из от чаянных лѣнтяев, благодаря улучшенію условій труда.

На Нью-Ленарской фабрикѣ Оуэна работало болѣе 2000 человѣк. «Главная масса рабочих на фабрикѣ состояла из ирландцев и горных шотландцев — народа дикаго и невѣжественнаго». Пьянство, лѣнь, воровство, ссоры, драки были обычными явленіями среди рабочих. «Репрессивныя мѣры, обыкновенно принимаемыя в таких случаях, штрафы, разсчеты, сбавки жалованья, — нисколько не поправляли дѣла. Роберт Оуэн повысил заработок, уменьшил рабочій день и улучшил условія труда. Он обратился к рабочим с слѣдующей рѣчью: „От вашего старанія зависит количество и качество фабричных продуктов, которые вы можете изготовлять на продажу. Чѣм больше будет продуктов и чѣм выше их достоинство, тѣм болѣе доходов получится с фабрики. Увеличеніе же доходов даст мнѣ возможность больше сдѣлать в вашу пользу, — возвысить задѣльную плату, сократить число рабочих часов,

увеличить удобства вашего помѣщенія и т. д. Вы видите, слѣдовательно, что, работая хорошо, вы не для одних моих барышей жертвуете своим тру дом, а имѣете в виду вашу собственную прямую выгоду".

Оуэн предоставил рабочих „своему собственному суду и наблюденію относительно качества и успѣшности работы на фабрикѣ. Никаких надсмотрщиков, мастеров, донимающих штрафами и взысканіями у него не было. Рабочіе сами слѣдили за добросовѣстным исполненіем работы, и тот из них, который работал плохо и лѣниво, подвергался только порицанію своих товарищей".

„Втеченіе шести лѣт, одновременно с улучше ніем домашняго быта рабочих, пьянство и воровство постепенно изчезли; между ними развилась семейная жизнь, нравственный уровень их поднялся до небывалой высоты, и фабрика работала так, как немногія в то время, доставляя огромные барыши хозяевам". (А. В. Каменскій).

Нечего и говорить, что в безхозяйственном обществѣ будущаго у работающих явится еще болѣе поводов к прилежанію, чѣм на фабрикѣ Оуэна.

Лѣнивый, небрежный труд (если он не является слѣдствіем саботажа) легко возбуждает отвращеніе и в самом производителѣ; труд же прилежный, даже при современных тяжелых усло

віях, часто имѣет неодолимую притягательную силу.

Моральное вліяніе товарищей по работѣ, нравственное вліяніе общежитія производителей, обычное право общества трудящихся — все это вмѣстѣ взятое является таким могучим средством для привлеченія людей к труду, для того, что бы они прилежно работали, что неловко даже доказывать это положеніе.

Масса населенія, труд которой будет продолжаться в гораздо лучших, чѣм прежде, условіях, масса, которая чувствует себя при бездѣльѣ прямо таки неловко, населеніе состоящее из свободных людей, а не из рабов — всегда лѣниво трудящихся, — будет работать не менѣе, а по всѣм данным болѣе энергично, чѣм теперь.

Понятно, что лѣнивая и небрежная работа цѣлой мастерской (в том числѣ и мастерских одиночек) не может сойти в обществѣ вольных производителей за прилежную работу. Лѣнивый или небрежный рабочій сразу выдѣлится с невыгодной для него стороны, а такова уже человѣческая природа, что в роли неравнаго среди равных, — по своей винѣ, никто не захочет быть. Надо также помнить, что в обществѣ будущаго люди будут браться за ту работу, к которой имѣют склонность, а не за лучше оплачиваемую или случайно подвернувшуюся, как в настоящее вре-

мя.*) Еще менѣе основаній предполагать, что с момента ниспроверженія существующаго строя, люди откажутся работать. Как в настоящее время рабочіе понимают, что без работы по найму им придется умереть с голоду, так и в будущем обществѣ будет понятно, что без работы в общенародных предпріятіях люди начнут умирать,

---

*) «Это не труд сам по себѣ омерзителен человѣку, это не естественная необходимость усилія, которая является проклятіем; это только труд, не производящій ничего — усиліе, результатов котораго он не может видѣть. Трудиться изо дня в день и всетаки быть едва в состояніи существовать, это дѣйствительно тяжело; это подобно адскому наказанію, принуждающему человѣка выкачивать воду насосом, чтобы не утонуть или ступать по мельничному топчаку для того, чтобы не быть раздавленным. Но избавленные от этой необходимости, люди работали бы только усерднѣе и лучше, потому что тогда они работали бы по указанію своих наклонностей; тогда они, кажется, дѣйствительно сдѣлали бы что нибудь для самих себя и для других. Развѣ жизнь Гумбольдта была лѣнивой? Развѣ Франклин не нашел себѣ занятія, когда он покинул ремесло наборщика с достаточной суммой, чтобы прожить на нее? Развѣ Герберт Спенсер рохля? Развѣ Микель Анджело рисовал из-за стола и одежды?». (Г. Джордж).

как зачумленныя овцы. Для того, чтобы понять это, понадобится не больше умственных усилій, чѣм для того, чтобы понять необходимость работы в настоящее время.

Чѣм то невѣроятно странным кажется предположеніе, что производители будущаго общества откажутся работать в вольных мастерских. Это — такія-же несерьезныя разсужденія, которыми утѣшали себя и защищали институт крѣпостного права крѣпостники-помѣщики и их идеологи: тогда тоже говорили, что освобожденные крестьяне перестанут работать, разлѣнтяйничаются, сопьются и т. д. Но всегда существовали и всегда будут существовать тѣ об'ективныя условія, которыя заставят людей работать. Всегда были и всегда будут такія суб'ективныя причины, благодаря наличности которых люди будут работать.

Человѣк, по крайнѣй мѣрѣ человѣк здоровый, это — работающее животное. Привычка к труду, обусловленная самим организмом человѣка, сложилась цѣлыми тысячелѣтіями и одна только развращающая сила власти и денег, та сила, которой не будет в обществѣ будущаго, могла создать класс праздных людей, ищущих суррогатов труда в забавах, спортѣ и т. д. Не отумариваемый разными поддѣлками под труд производитель будущаго общества будет охотно работать.

В частности, в современном рабочем классѣ имѣется сложившаяся упорная привычка к труду и рабочій только тогда не ищет занятій, когда растерял в період безработицы свои физическія и духовныя силы.

В настоящее время нерѣдко можно видѣть скучающих в праздник рабочих — до того сильна у них привычка к труду. Мало этого, сама пси хика рабочих сложнаго и сложнаго-машиннаго труда, это — психика не только работающих, но и любящих свою работу людей.

Что касается до отдѣльных лиц, которыя не пожелают работать просто потому, что предпочтут ничего не дѣлать, то не говоря, разумѣется, о больных духом или тѣлом, которые и не должны работать, можно замѣтить, что с такими рѣдкими явленіями можно и не считаться. Мы бы настаивали даже на выдачѣ таким лицам полнаго, так сказать, пайка: во всяком случаѣ для общежитія выгоднѣе кормить нѣсколькихъ лѣнтяев, чѣм орга низовать учрежденія, борющіяся с лѣностью мѣрами принудительнаго характера.

Пріятно жить паразитствуя в настоящее время, т. е. тогда, когда паразитизм нерѣдко связывается с богатством и уваженіем со стороны многочисленных холопов, но, в обществѣ будущаго, и злѣйшим врагам своим нельзя пожелать жить, паразитствуя. Их положеніе будет хуже положенія богатой проституткі в кругу честных женщин. В настоящее время существует патентован

ное, так сказать, право на лѣность. Жить ничего не дѣлая и быть окруженным уваженіем — это нормальное положеніе дѣл в современных богатых классах общества. Структура послѣдняго как бы приспособлена к тому, чтобы создавать лѣнтяев, паразитов — им же нѣсть числа. В обществѣ-же будущаго паразиты займут подобающее им мѣсто.

Для тѣх, кто не убѣдился этими доводами, не смотря на их доказательность, можно замѣтить, что если паразитизм примет опасныя размѣры, то производители легко справятся с тѣми лицами, которыя будут прикрывать свое нежеланіе работать вздорными предлогами.

Таким образом, в крайнем, строго говоря, невѣроятном случаѣ — у общества производителей будет в распоряженіи очень тяжелое средство побудить паразитствующій элемент взяться за работу.

Говоря вообще, с соціологической точки зрѣнія, всѣ разсужденія о лѣнтяях, обижающих в будущем обществѣ прилежных, дышат такой бѣдностью мысли, сводятся к такой недопустимой аналогіи между здоровой коллективной и больной индивидуальной психикой, что на них можно и не останавливаться. **А. Р.**